

Против демократии

Wildcat

1993

Оглавление

Что такое демократия?	3
Сообщество борьбы	6
Коммунистическое общество	6

Задача этой небольшой заметки – убедить вас в том, что революционеры должны противостоять демократии во всех ее формах.

Прежде чем мы приступим, я хотел бы сразу ответить на возможные возражения по поводу значения слов. Многие люди согласятся с тем, что я выскажу, но при этом ответят в духе «Да, ты прав, но ты говоришь о буржуазной демократии. Я же под демократией понимаю нечто другое...» Мне кажется, что когда люди говорят о «реальной», «прямой», «рабочей» демократии в противоположность «буржуазной», «представительной» демократии, то они под демократией имеют ввиду именно то, что и буржуазия, только лишь с некоторыми поверхностными различиями. Сам факт использования слова «демократия» говорит о многом, о гораздо большем, чем эти люди думают. Вот почему так важно повторять лозунг: «Смерть демократии!» То же верно и для многих других слов, например, для выражения «развитие экономики». Каждый левак скажет вам, что он за развитие экономики. Если вы спросите, «а разве МВФ не хочет того же?», они скажут «нет, нам нужно реальное развитие экономики». Если вы углубитесь в дискуссию, то выяснится, что они хотят именно того же, что и МВФ, только у последних более реалистичное понимание этого термина.

Я стою на той точке зрения, что если вы выступаете за демократию, то как бы вы не противопоставляли себя собственности (как марксисты) или государству (как анархисты), вы, в конечном счете, выступаете и за собственность и за государство.

Что такое демократия?

В самом общем смысле, демократия – это господство прав и равенства. Не трудно догадаться, что это предельно капиталистическая идея. «Права» предполагают существование атомизированных индивидов, конкурирующих друг с другом. Права также предполагают существование государства или полугосударства, которое могло бы гарантировать их соблюдение. «Равенство» предполагает существование общества, в котором люди имеют равную цену – то есть общество, основанное на абстрактном труде. Демократия часто переводится как «власть народа», в котором «народ» всегда понимается как масса атомизированных граждан, наделенных правами.

Таким образом, можно сказать, что капитализм всегда демократичен; демократия выражает суть капитала – равенство как выражение эквивалентности товаров.

Маркс называл демократию христианской фикцией:

«Политическая демократия является христианской постольку, поскольку в ней человек, – не какой-либо отдельный человек, а всякий человек, – имеет значение как суверенное, как высшее существо, но это человек в его некультивированном, несоциальном виде, человек в его случайном существовании, человек, каков он есть, человек, испорченный всей организацией нашего общества, потерявший самого себя, ставший чуждым себе, отданный во власть бесчеловечных отношений и стихий, одним словом, человек, который еще не есть действительное родовое существо. То, что для христианства является фантастическим образом, мечтой, постулатом, – суверенитет человека, но человека в качестве существа чуждого, отличного от действительного

человека, – представляет собой в демократии чувственную действительность, современность, мирской принцип».

- Маркс. К еврейскому вопросу

Какие же из этого вытекают практические последствия?

В классовой борьбе демократическая контрреволюция проявляется в вопросах классовой власти и организации этой власти.

Мы находимся в состоянии классовой войны и, чтобы продвигаться вперед и побеждать, нам нужно безжалостно подавлять и уничтожать наших врагов – классовая власть должна иметь деспотический характер. Вы не можете уважать права полицейских, когда вы избиваете их до смерти! Если профбосс пытается подчинить ход собрания своей воле, и мы освистываем его и стаскиваем его с помоста, то абсурдно говорить, что мы верим в свободу слова. «Революцию не покажут по телевизору» – и Международная Амнистия тоже не будет за ней наблюдать...

Мы не предоставляем права нашим врагам и не требуем у них прав для нас. Конечно, в жизни не все так легко и понятно, ведь бывает очень трудно отделить требование какой-то вещи от требования права на какую-то вещь. Я не буду углубляться здесь в дебри, я рассмотрю лишь право на забастовку для примера. Вообще, каждому Праву соответствует своя Обязанность, как сказал, кажется, Гегель. Поэтому у вас есть право пользоваться общественным транспортом и есть обязанность платить за проезд. Право на забастовку предполагает, что рабочим разрешено мирно отказаться от работы в обмен на соблюдение общественного порядка и несовершение ничего, что могло бы сделать забастовку эффективнее. Пользуясь своими правами, вы не должны нарушать прав других граждан, так что вряд ли полиция поможет вам сжигать машины штрейкбрехеров.

В общем и целом, требование прав является отражением слабости нашего класса. Вместо того, чтобы сказать врагам: «если вы хоть пальцем нас тронете, то мы вас отхуячим» – или отхуячить врагов просто так, мы говорим «пожалуйста, уважайте наши права, мы обещаем не навредить вам». Конечно, наш класс сейчас находится в проигрышном положении, и эту ситуацию очень не легко исправить. Но первым шагом на пути к победе должно быть понимание того факта, что среднеклассовые благодетели, борющийся за гражданские права, не на нашей стороне – пусть они и помогают иногда вытащить нас из мест заключения.

То, что я высказал выше, на самом деле не так уж и неприемлемо для демократов. Исключение людей из демократии вполне совместимо с демократическим убеждениями: многие либералы скажут, что они безусловно поддерживают свободу слова для всех... кроме врагов свободы слова (например, фашистов).

Гораздо больше спорных вопросов возникает при рассмотрении демократии в наших рядах, то есть среди борющихся пролетариев. Странник «рабочей демократии» скажет, к примеру: «ОК, мы отказываем в демократии буржуазии, но среди нас должно быть предельное равенство и уважение к правам». Как предполагается, это позволит избежать бюрократизации и доминирования клики и обеспечит максимальное участие людей в борьбе. Как предполагается, если у человека будет право на высказывание, право голоса и т.д., то значит, он сможет самостоятельно явиться собранию и сразу почувствовать себя частью демократического коллектива.

Но что демократизация борьбы означает на практике? На практике выходит следующее:

1. Мажоритаризм. Ничто не будет сделано, пока большинство не даст своего согласия.
2. Отделение процесса принятия решения от действия. Ничто не будет сделано, пока каждый не выскажется по теме. Здесь прослеживается очевидное сходство с разделением властей на исполнительную и законодательную, и неудивительно, что дискуссии в демократических организациях напоминают парламентские дебаты.
3. Повсеместное утверждение точки зрения, что никому нельзя доверять. Демократические структуры воспринимают «войну всех против всех» как норму и институализируют ее. Должна существовать возможность отозвать делегаты в любой момент, чтобы те не смогли продвинуть свои «тайные планы», которые, разумеется, по умолчанию есть у всех.

Все эти принципы отражают общественную атомизацию. Мажоритаризм – потому что все равны и имеют один голос. Отделение процесса принятия решения от действия – потому что если ты не получил одобрение от каждого, то твое действие будет нарушать чьи-то права. Одним из самых нелепых примеров третьего принципа – «никому нельзя доверять» – является троцкистское «право на создание фракции». Обычно это право реализуется, когда меньшинство собираются выкинуть из организации. Это право дает свободу плести интриги и устраивать заговор против остальных членов организации. Очевидно, что настоящая коммунистическая организация не может заниматься подобным «фракционным» фарсом.

Второй из этих принципов, пожалуй, самый важный, и на нем стоит остановиться подробнее.

Эти демократические принципы находятся в полном противоречии с классовой борьбой, поскольку классовая борьба по определению означает разрыв с общественной атомизацией и формирование нового сообщества – каким бы ограниченным, кратковременным и размытым оно не будет.

Крупные акты классового противостояния почти никогда не начинаются с голосования или опроса мнения всех работников. Они практически всегда начинаются с действий определенного меньшинства, которые порывают с пассивностью и изоляцией большинства их коллег. Это меньшинство стремится расширить действие своим примером, а не через вербальное убеждение. Другими словами, разделение между процессом принятия решения и действием никогда не осуществлялось на практике. Правые популисты (и некоторые анархисты) заявляют, что воду мутят самозванные шайки активистов, которые не представляют никого, кроме самих себя... и они, разумеется, правы!

Шахтерская забастовка в Великобритании в 1984-85 гг. продемонстрировала множество ярких примеров того, что классовая борьба антидемократична по своей сути. Забастовка не началась демократически – не было ни голосования, ни ряда массовых

собраний; она началась с прекращения работы работниками нескольких шахт, находившихся под угрозой закрытия, и затем была распространена летучими пикетами по всей территории. В ходе забастовки возник тошнотворный альянс между правыми лейбористами и Революционной Коммунистической партией (троцкисты), призывавших шахтеров к проведению общенационального голосования. Самые боевые рабочие постоянно отвергали эту идею, делая заявления в духе «у штрейкбрехеров нет права голосовать за мое увольнение» – эта фраза, конечно, демократична по форме, но мотив, скрывающийся за ней, имеет отнюдь не демократическое основание. Забастовщики не раз давали тумачков троцкистам и называли их «тори» из-за их поддержки голосования.

Мы также были свидетелями многочисленных актов саботажа и разрушения собственности Национального Управления Угольной Промышленности, учиняемых полулегальными «ударными группами». Очевидно, что такая деятельность по самой своей природе не может быть организована демократически, то есть не может одобряться или не одобряться большинством бастующих.

Сообщество борьбы

Концепция, которой я придерживаюсь и которая здесь уже мной озвучивалась, это концепция «сообщества борьбы». Напрашивается очевидный вопрос: «если сообщество борьбы не формируется демократически, то как же тогда оно формируется?» На этот вопрос не может быть простого ответа, кроме того, что основанием действия будет доверие и солидарность между людьми, а не их права и равенство. Например, если мы хотим послать эмиссара (ну, не нравится мне слово «делегат») для распространения борьбы, мы не будем тщательно высчитывать 51% голосов и все время держать его на мобильной связи, чтобы отозвать и заменить его другим эмиссаром. Мы скорее выберем надежного и вызывающего доверие человека – один испытанный товарищ стоит тысячи отзываеваемых делегатов! Понятно, что это доверие содержит в себе и политический компонент – мы не доверимся лейбористу, так как его политические взгляды автоматически вынудят его действовать против интересов рабочего класса.

Коммунистическое общество

Наконец, хочется сказать пару слов об отношении демократического принципа к природе коммунистического общества.

Представление о том, что коммунистическая революция есть широкая демократическая реорганизация общества, до сих пор очень устойчива и распространена даже среди самых радикальных политических тенденций. Коммунисты советов (такие как Паннекук) рассматривали рабочие советы буквально как парламент рабочего класса. Даже у ситуационистов был особый пункт по вопросу демократии, унаследованный ими, похоже, у тех же консилистов. В своей статье «Бешеные» и ситуационисты в захватном движении» они не раз повторяют, как их действия выражали волю Ас-

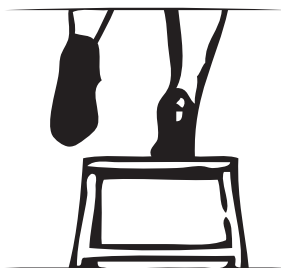
самблеи Сорбонны, хотя понятно, что они только и делали, что нарушали решения ассамблеи или же просто ставили штамп ассамблеи на уже совершенные акции.

И совершенно не случайно, что люди, выступающие за демократию, также придерживаются и концепции самоуправления, то есть за захвата отдельных участков общества и управления ими без начальников. Связь эта очевидна и сама собой напрашивается – коммунизм означает трансформация социальных отношений, а не только изменение политического режима, которого добиваются демократы.

В случае консилистов, самоуправление вполне объяснимо, это было абсолютно в их духе и в духе того времени. В случае с СИ, дело, скорее, в их неокончательном, неполном разрыве с самоуправленческими истоками.

Еще одним побочным продуктом демократической ментальности является концепция «планирования», которой очень многие придерживаются и сегодня. Для меня планирование означает, что мы собираемся все вместе и решаем, что мы будем делать ближайшие пять лет, затем расходимся и делаем это. Это похоже на очередной пример фетишизации момента принятия решения. Таким образом, как коммунисты, как враги демократии, мы должны относиться к концепции планирования с крайней подозрительностью. Быть противником социал-демократии значит со всей решительностью отвергать и социализм, и демократию.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Wildcat
Против демократии
1993

Сохранено 9 мая 2012 года из falshe.com

ru.theanarchistlibrary.org